

С. В. Решетников

Участие русских эмигрантов и советских военнопленных в движении Сопrotивления на острове Олерон в 1944–1945 гг.*

Первым упоминанием о событиях, связанных с русскими эмигрантами и советскими гражданами на острове Олерон стала статья известного эмигранта и сопротивленца Игоря Александровича Кривошеина «Русские участники Сопrotивления во Франции», вышедшая в журнале «Новоселье» в 1947 г.¹ Но несмотря на обнаружение данного факта, отклика со стороны общества на эту историю не последовало. Ситуация изменилась с приездом в мае 1960 г. в СССР одного из главных участников событий на Олероне, уже реэмигранта Владимира Брониславовича Сосинского, который, освоившись в Москве, начал поиск знакомых ему бывших солдат. Он вступил в переписку, а затем заинтересовал этой историей белорусского писателя Леонида Януаровича Прокшу.

Л. Я. Прокша решил проверить подлинность истории, рассказанной В. Б. Сосинским, и вступил в переписку с другими участниками тех событий — Вадимом Леонидовичем Андреевым и Ольгой Елисеевной Черновой-Колбасиной, а позднее нашел в Белоруссии семью одного из погибших солдат. На основе этой информации 24 февраля 1964 г. в газете «Голос Родины», издававшейся для белорусской эмиграции, он опубликовал очерк «Герои Олерона». Эта публикация стала первой, где внимание было сосредоточено на трагической судьбе только одного солдата — Владимира Макаровича Антоненко. С подачи Л. Я. Прокши и с его предисловием через десять дней в газете «Советская Белоруссия» был опубликован большой очерк «Герой Олерона», написанный В. Б. Сосинским. В нем впервые детально описаны события на

**Решетников
Степан
Владимирович**
аспирант, Институт
российской истории
РАН (Москва, Россия)

острове, но вновь на фоне судьбы В. М. Антоненко и с поправками на советскую идеологию в печати (опущена история пленения советских солдат, оказавшихся на острове).

После этой публикации на связь с В. Б. Сосинским и В. Л. Андреевым вышло несколько бывших солдат, участников тех событий. Очерк был замечен крупным советским исследователем европейского Сопротивления Геннадием Алексеевичем Нечаевым. После переписки с эмигрантами и бывшими солдатами он 27 июня 1964 г. опубликовал в газете «Красная Звезда» статью «На краю Европы», которая во многом способствовала последующей реабилитации солдат. В статье наиболее полно воспроизведена история антифашистской борьбы русских эмигрантов и советских военнопленных на острове Олерон: подробно описан ход подпольной борьбы, а также почти сенсационно для советской печати тех лет рассказывается, что упомянутые советские участники Сопротивления были мобилизованными военными вермахта. Статья Г. А. Нечаева имела успех и была перепечатана с незначительными изменениями в других газетах.

В июле 1968 г. в «Голосе Родины»² был напечатан очерк В. Б. Сосинского «Буду помнить». Последней в ряду публикаций по данной теме является статья краеведа Г. Малюченко «Макизар с острова Олерон» («Орловская правда», 1976)³, посвященная памяти В. Л. Андреева. Первой публикацией за рубежом по рассматриваемому сюжету стала уже упомянутая статья Нечаева, переведенная для издававшегося во Франции советского журнала «Études soviétiques»⁴. В 1985 г., в сокращенном варианте, она вновь была здесь опубликована⁵.

После выхода нескольких совместных очерков сотрудничество В. Б. Сосинского и В. Л. Андреева с Л. Я. Прокшой продолжилось. В начале 1964 г. ими было принято решение издать книгу «Герои Олерона»⁶, которая представляла бы собой романтизированную в советском духе историю, основанную на реальных событиях, происходивших на острове. Книга была издана большим тиражом и стала одним из решающих факторов, позволивших к марту 1965 г. реабилитировать всех вышедших на связь с эмигрантами бывших советских солдат. Часть книги воспроизведена также в сборнике «Против общего врага» (1976)⁷, посвященном участию советских граждан в европейском движении Сопротивления. Стоит отметить, что, по словам А. Б. Сосинского, книга «Герои Олерона» из-за ярко выраженного советского стиля изложения не понравилась его отцу⁸.

События, произошедшие на острове, повлияли на семью эмигрантов Андреевых и отразились в их творчестве. В 1967 г. в СССР по мотивам событий вышла мемуарная повесть В. Л. Андреева «Дикое Поле»⁹, которая стала одним из ярчайших творческих успехов автора и выдержала тираж в 30 тыс. экземпляров. Также по мотивам этих событий в США в 1980 г. вышел роман «Island in Time: A Memoir of Childhood, Daily Life During the Nazi Occupation» дочери В. Л. Андреева журналистки Ольги Вадимовны Андреевой-Карлайл¹⁰. В книге описывается жизнь и личные переживания автора, воспринимавшего эти события через призму своих юношеских лет.

Франция вступила во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 г. в ответ на нацистское вторжение в Польшу. Мобилизации в армию по французскому

закону 1934 г. подлежали и молодые русские эмигранты. Среди тех, кто попадал под призыв, были три эмигранта-писателя: Д. Г. Резников, В. Л. Андреев и В. Б. Сосинский, близкие друзья еще с Константинополя, где находились в статусе беженцев после поражения Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Крыму. В Париже они познакомились с дочерьми от второго брака известного политика, лидера эсеров В. М. Чернова с О. Е. Колбасиной-Черновой: Натальей (Резниковой), Ольгой (Андреевой) и Ариадной (Сосинской). Три друга сошлись с ними, поженились и создали семьи. У Резникова родились сыновья Андрей и Егор, у Андреева — сын Александр и дочь Ольга, у Сосинского — двое сыновей: Алексей и Сергей. Семьи были дружны между собой и каждые летние каникулы проводили вместе на французском курортном острове Олерон, расположенном на северо-западе побережья Бискайского залива.

Немецкие войска начали широкомасштабные наступательные действия на Францию только 14 мая 1940 г. С началом активных боевых действий Д. Г. Резников был призван во французскую армию. В ходе боев получил тяжелое ранение в ногу и оставался в военном госпитале в Париже на излечении два года¹¹. В. Б. Сосинский не подходил по возрасту под мобилизацию, но по собственному желанию вступил в добровольческий полк французского Иностранного легиона, попал в плен. В. Л. Андреев по возрасту оставался в резерве и за два дня до входа во французскую столицу немецких войск уехал на велосипеде, в потоке беженцев, к своей семье, проживающей в это время на острове Олерон. Там, помимо семьи Андреевых, в небольшой коммуне Сен-Дени проживали также семьи Резниковых, Андреевых и Сосинских. С оккупацией немцами острова Андреевых не выслали на материк, приняв за местных жителей, в связи с тем, что они находились на нем с 3 сентября 1939 г. В условиях оккупации прокормить всю семью можно было только с помощью сельского хозяйства. После принятием правительством Петена закона о «возврате к земле» в 1940 г., Андреев получил право аренды земельного участка.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Для Сосинского, находившегося в немецком плену, и Андреева это событие стало принципиальным. Они восприняли агрессию против Советского Союза как нападение на свою родину. К весне 1942 г. война на Восточном фронте перешла в затяжную фазу. Немцы, опасаясь высадки союзников во Франции, решили начать строительство сети прибрежных оборонительных укреплений — Атлантического вала. Для этой цели, еще в 1941 г., немецкое командование начало сооружение на западном побережье Франции баз подводных лодок.

Остров Олерон благодаря своему положению позволял контролировать соседний малый остров Рэ и доступ к базе немецких подводных лодок в Ла-Паллис, находящемся рядом с Ла-Рошель. Немецким командованием было принято решение сделать Олерон частью линии укреплений Атлантического вала и начать на нем строительство укрепленных прибрежных и противовоздушных батарей. Остров вошел в состав немецкого Командования морских районов SeeKomando. На нем был создан гарнизон на основе морского артиллерийского дивизиона Marineartillerie-Abteilung 687. Дивизион был рассредоточен по всему острову на морских береговых батареях. К марту 1945 г. гарнизон острова

достиг своей максимальной численности в 1610 человек. В феврале 1942 г. на острове началось строительство двенадцати батарей дальнего и зенитного обстрела: Qualle, Puma, Viper, Nashorn, Taube, Mammut, Hermelin, Iltis, Kondor, Luchs, Einhorn, Adler¹². С наступлением французских войск в начале сентября 1944 г. оборона острова была смещена на юг. К началу 1945 г. на острове возвели многочисленные малые опорные и полевые укрепления, заминированы порты. До апреля 1945 г. было установлено 32 тыс. мин и деревянные антипланерные колья на пустырях. Несмотря на немногочисленный гарнизон, остров Олерон к апрелю 1945 г. имел сильную береговую защиту.

В связи с большими потерями на Восточном фронте к концу 1942 г. личный состав немецких частей стал постоянно пополняться представителями других национальностей. Так, помимо фольксдойче (нем. *Volksdeutsche* — этнические немцы, проживавшие за пределами Германии), к 1944 г. в его состав вошла рота бывших советских солдат из состава Восточных войск вермахта. Массовое привлечение в вермахт советских граждан ставило задачей заменить немецкий вспомогательный персонал в тылу для высвобождения его для нужд Восточного фронта. Привлечение советских граждан в создаваемые немцами формирования носило как добровольный, так и принудительный характер. Во многих случаях вербовка в Восточные войска вермахта для советских граждан была выбором между жизнью на службе врагу или смертью в лагере военнопленных. Не стоит также недооценивать и обычное приспособленчество, к которому прибегала часть военнопленных, а также безразличное в условиях стресса войны отношение к собственной жизни.

Всего во Францию по состоянию на март 1944 г. прибыло 44 Восточных батальона из состава Восточных войск вермахта¹³. Полковник Французских внутренних сил (*Forces Françaises de l'Intérieur (FFI)*; далее — ФФИ)¹⁴ Борис Матлин оценивал численность таких подразделений в 30–40 тыс. человек¹⁵. Заметим, что употребление термина «власовцы» и аббревиатуры РОА (Русская освободительная армия) по отношению к Восточным войскам вермахта во Франции, встречающееся в научной литературе и публицистике, ошибочно. Несмотря на то, что некоторые из солдат этих формирований впоследствии сами причисляли себя к «власовцам», фактически они не имели к РОА никакого отношения, что отмечали и стоявшие близко к А. А. Власову участники событий 1944–1945 гг.¹⁶

В начале 1943 г. Сосинский вернулся к своей семье на Олерон. По возвращении ему удалось найти работу бухгалтером на коньячном заводе в коммуне Сен-Пьер, в окрестностях которой вся семья Сосинских поселилась в доме со старой мельницей Мулэн дю Куавр. С приездом на остров Сосинский начал искать среди местных жителей недовольных немецкой оккупацией. Найдя таких людей, он через некоторое время организовал патриотическую группу, в которую вошли несколько рыбаков, один сослуживец Сосинского с коньячного завода, полицейский, полковник в отставке, Андреев и еще один выходец из России, украинец Андрей Ранета. Последний поддерживал тесные торговые связи с немцами, но при этом держал у себя дома запрещенный в годы оккупации радиоприемник, по которому можно было слушать сводки Совинформбюро.

Несмотря на большой опыт участия в боевых действиях, Сосинский был осторожен, так как понимал все риски раскрытия группы и опасность, грозящую местным жителям в случае выявления саботажа¹⁷. Стоит отметить, что в отличие от материковой Франции на Олероне было невозможно организовать партизанское движение в классическом его виде из-за почти полного отсутствия лесов и мест для укрытия. В случае карательной операции немцев бежать с острова на материк было также невозможно.

В. Л. Андрееву запомнился следующий эпизод. В один из дней апреля 1944 г. в олеронской коммуне Сен-Дени реквизируют на работы пятнадцать человек местного населения, среди которых был Андреев. В их задачу входила установка кольев на побережье около батареи Mammüt. Крестьяне считали эту работу бессмысленной. Один из них высказал свое недовольство немецкому фельдфебелю, и Андреев вступился за него на немецком языке. Фельдфебель спросил, откуда олеронский крестьянин знает немецкий язык. Андреев ответил, что изучал его в школе в России. Фельдфебель сказал: «Русский! А вы знаете, что у нас на батарее работают русские военнопленные? Вон там, видите, стоит паренек, он русский». К Андрееву подошел молодой солдат в немецкой шинели. Между ними начался диалог. Андреев вспоминал: «Вместе с тем меня охватило какое-то странное чувство, — нет, не только любопытства, но и ничем не объяснимого доверия к стоящему передо мной русскому человеку. Я объяснил пареньку в каком доме в Сен-Дени живет моя семья»¹⁸. Солдата звали Владимир Антоненко.

Через несколько дней в дом к Андрееву в Сен-Дени пришли два солдата: В. М. Антоненко и В. Н. Орлов. Для них встреча с большой русской семьей на французском острове была чудом. «После двухлетних мытарств в Германии им все показалось невероятным — и то, что все говорят по-русски (особенно малыши), и что много женщин, и что их угощают яблоками и кукурузными и лепешками, и, конечно, то, что их приняли как своих. Антоненко сразу попросил Андреева свести его с французскими партизанами. Тот уклонился от прямого ответа, сказав, что сообщит что-то только при следующем свидании»¹⁹. Новость о встрече с солдатами Андреев рассказал своему свояку Сосинскому, который решил также познакомиться с ними.

Эту встречу запомнил сын В. Б. Сосинского Алексей: «Шли два солдата в немецкой форме. Обратив внимание на мою детскую русскую речь, они постучались во входную дверь, которую открыла моя мама Ариадна. Один из солдат спросил: “Простите, вы русские?” Мама ответила: “Да, мы русские”. Солдаты ответили: “Мы тоже русские, мы здесь...” Перебив их, мама сказала: “Русские? В форме вермахта? Уходите вон”. И захлопнула дверь (так!)»²⁰. Вечером того же дня солдаты вновь пришли к дому. На этот раз дверь открыл сам Сосинский, который впустил их.

Встреча с солдатами произвела очень сильное эмоциональное впечатление на всю эмигрантскую семью. Для Андреева наиболее значимой была встреча с солдатом И. М. Фатюковым: «Было ему лет тридцать пять, вероятно, он был самым старшим среди наших гостей. То, как этот бухгалтер маленького приволжского колхоза вошел в комнату, поздоровался, сел за стол, какие про-

стые и вместе с тем самые необходимые слова он нашел для начала разговора, как в каждом его движении сказывалось необыкновенное достоинство — он относился с уважением не только к хозяевам, но и к самому себе, — “я советский человек, у меня никто не отнимет сознания, что я поступаю правильно”, — мне он представился человеком крепкого, законченного характера и вместе с тем полным мудрой, совсем нежалостливой доброты»²¹. Встречи солдат с эмигрантами происходили регулярно. Они рассказывали им про себя и свою жизнь в Советском Союзе. Сильное впечатление на эмигрантов также произвели рассказы солдат о Великой Отечественной войне и их пленении. «Бились недели две (в партизанском отряде. — С. Р.) и в изнеможении физических сил был пленен немцами», — рассказывал свою историю Фатюков в послевоенном письме к Сосинскому²². В. М. Антоненко рассказывал историю о том, как он во время войны «остался в тылу и как партизанил: спустил под откос два поезда, попался вместе с товарищем, но ему удалось бежать, и его поймали уже просто так, случайно <...> пройдя муки немецких лагерей, неожиданно для самого себя оказался на острове Олерон»²³.

В разговоре с солдатами выяснилось, что их на острове к моменту знакомства с эмигрантами было 30 человек. На Олероне они оказались в марте 1944 г. Их имена были частично установлены Сосинским уже после войны: Дмитрий Авдиенко, Владимир Антоненко, Иван Брусовцев, Николай Васев, Николай Голованов, Анатолий Гребенщиков, Александр²⁴ Денисенко, Мосса Джемалов²⁵, Михаил Ершов, Александр Ковалев, Евгений Красноперов, Геннадий Краснощеков, Кузьма Куратов²⁶, Петр Лягоцкий, Иван Маркин, Роман Ориценко²⁷, Владимир Орлов, Василий Педенко, Петр Прокофьев, Константин Пронин, Михаил Сергеев, Николай Серышев, Алексей Сучков, Иван Тимохин, Иван Фатюков, Терентий Федченко, Григорий Хлопин, Тихон Шумахов, Николай Якунин²⁸. Немцы боялись сговора советских солдат между собой, поэтому разделяли и тасовали их на маленькие группы по два-три человека на каждой батарее. Несмотря на 19-летний возраст, лидером и вожаком для всех был именно Антоненко.

Большинство солдат не были в полном смысле военнопленными. Часть из них по возрасту не успели призвать в РККА. Познакомившись с ними, Сосинский, через олеронских рыбаков, вышел на связь с находящейся на материке партизанской группой капитана Лусьена Леклерка (командующего 158-м пехотным полком вооруженных сил Юго-Запада ФФИ). Эмигрант рассказал ему про антифашистски настроенных солдат на острове. К этому времени Леклерк уже знал, что советские военнопленные в составе Восточных войск вермахта в большинстве своем были ненадежными союзниками немцев, нередко устраивали против них мятежи и массово дезертировали. Информация, полученная от Сосинского, заинтересовала капитана.

В начале мая 1944 г. рядом с домом, где жил Сосинский, состоялась первая встреча солдат с представителями французского Сопротивления. Встреча с тайно прибывшими французскими сопротивленцами произошла рядом с домом, где жил Сосинский. На ней собралось 17 человек: солдаты — В. Педенко, Н. А. Серышев, В. М. Антоненко, Д. Авдиенко и Н. Голованов; эмигранты — В. Б. Сосинский, В. Л. Андреев и А. Ранета; французские сопротивленцы

из группы Леклерка — прапорщик Эдмон Гарнье, адъютант Леклерка некий Клемент и Фернанд Бухерит; во встрече участвовали также местные рыбаки. В. М. Антоненко заявил, что «на каждой батарее работает по несколько советских солдат, которые готовы в любой момент ночью сорвать все оружейные замки, выбросить их в океан, убрать все пулеметы и винтовки с тем, чтобы на рассвете группы вооруженных французов легко, без единого выстрела, заняли вражеские батареи». Однако французские сопротивленцы попросили солдат ничего не предпринимать, пока они не получат официальный приказ от своего командира, капитана Леклерка²⁹. Они заявили, что хотят проверить солдат на лояльность и попросили сообщить сведения о батареях на острове и указать расположение минных полей.

Через несколько дней солдаты выполнили задание. Г. А. Нечаев так описывал выполнение этой миссии: «Солдат Иван Маркин тайно вынул, скопировал и вернул карту расположения орудий на батарее “Мамут”³⁰ прямо из сейфа командира батареи. <...> Карты были переданы другому солдату Николаю Васеву, который доставил их французским партизанам»³¹. Л. Леклерку на материк был передан список из 29 солдат, готовых принять участие в активной борьбе против немцев. Солдаты официально вступили в 158-й пехотный полк ФФИ капитана Леклерка из состава организации Франк-Марин «Арманьяк»³². Для связи французских партизан с солдатами был выбран полуразвалившийся дом, в дымоходе устроили почтовый ящик. Эмигранты снабдили французских партизан записками такого содержания: «Если хотите купить курицу, идите за мной»³³.

В середине августа 1944 г. основная территория Франции была освобождена от немецких войск. Но часть страны с городами-крепостями Брест, Лорьян, Сен-Назер и Ла-Рошель все еще оставалась в руках немцев. Эти города вместе с окрестностями составляли часть Атлантического вала и были серьезно укреплены. Первоначально союзники пытались взять их штурмом. Но после того как штурм Бреста обернулся большими потерями, американское командование отказалось от своих планов. В оставшихся до конца войны «карманах» продолжал находиться крупный 70-тысячный немецкий гарнизон, который сдерживался французскими отрядами ФФИ и незначительным контингентом американских войск. Одним из таких «карманов» был город Ла-Рошель вместе с близко расположенным к нему Олероном.

В середине сентября 1944 г. французские силы Сопротивления во главе с капитаном Леклерком приблизились к Олерону, заняв противоположный ему берег на материке. Л. Леклерк поставил ультиматум командующему гарнизоном острова Вернеру Шафферу сдаться, но тот ответил отказом. Так Олерон оказался в осаде. Французское Сопротивление с материка проявляло малую активность. Лишь в конце сентября десять французских добровольцев во главе с Жаном Буссаком с оружием и взрывчаткой высадились на остров. Но уже 10 октября немцы после доноса обнаружили взрывчатку, и Буссак вместе с частью своей группы был арестован гестапо. Они были возвращены на материк при обмене военнопленными в январе 1945 г.³⁴

8 октября 1944 г. на Олероне состоялась вторая встреча солдат и французских сопротивленцев. На этот раз на ней присутствовал капитан Леклерк.

Солдаты Антоненко, Орлов и Серышев предоставили ему план восстания в случае возможной высадки союзников. По плану, отдельные группы солдат, находящиеся на разных батареях по всему острову, должны были взорвать близлежащие склады боеприпасов, вывести из строя на всех батареях орудия и пулеметы и дезертировать со своих позиций к месту сбора. На встрече с французами, по словам Андреева, «Володя Антоненко, охваченный только одной мыслью, как можно скорее начать террористические действия, — был в отчаянии». В. Л. Андреев объяснял солдатам: «Положение на острове — слабая связь с континентом, трудность партизанских действий на острове, осторожность, диктуемая боязнью репрессий против мирного населения»³⁵. Л. Леклерк принял план солдат и договорился, что им будет передан сигнал к действию при начале высадки союзников.

Но до ноября 1944 г. никаких действий не происходило. В. Л. Андреев вспоминает о встрече, произошедшей по просьбе Антоненко, и их разговоре. «Прошло полгода, как мы связались с французами, уже открылся второй фронт, а мы сиди и жди», — говорил Антоненко. «Ты знаешь, что приказ у нас определенный — не двигаться, пока не будет указаний, что следует предпринять. Для французов вы нужны именно внутри батарей»³⁶, — отвечал Андреев. Но Антоненко настаивал: «Мы уже все глаза проглядели в ожидании этих ракет. Не можем мы больше ждать». Подводя итог этому разговору, Андреев пишет: «Володя заговорил о своей деревне, затерянной среди белорусских лесов и болот. <...> Я видел, что все его существо опалено внутренним, неугасаемым огнем, выжигающим шлак. <...> Я видел перед собою не девятнадцатилетнего мальчика, а всю Россию, охваченную одной волей, одним неудержимым стремлением победить врага». Дальнейшие события он описывает следующим образом: «Два раза были назначены сроки выступления. Мы предупреждали ребят, они ждали в боевой готовности, и оба раза пришлось отменить. <...> Становилось все труднее сдерживать их нетерпение, они уже начали сомневаться в активности французов и впадали в уныние. Нарастали непрерывные конфликты с начальством, то один, то другой за дерзость и неповиновение отбывали наказание в бункере или в крепости Шато»³⁷.

3 ноября, не выдержав мучительного бездействия, без согласования с Сосинским, двое солдат — Михаил Ершов и Александр Ковалев, служившие на батарее Hermelin, расположенной на юге острова рядом с трехкилометровым Монмусонским проливом, ночью вывели из строя два 105-мм орудия. Вынув орудийные бойки в качестве доказательства своих действий, они решили вплавь добраться до материка. Солдаты начали свой заплыв при максимальном отливе, не зная, что в это время в проливе образуется турбулентное течение с мощными водоворотами. Их затянуло водоворотом и этим же днем выбросило обратно на берег³⁸.

Через несколько недель после гибели двух своих товарищей, солдаты решили действовать. Солдат Н. А. Серышев, который до войны учился на химическом факультете Ленинградского университета, смастерил специальный долго тлеющий и не дымящийся бикфордов шнур. По словам А. Б. Сосинского, который стал свидетелем разговора, Серышев так объяснял свой план

В. Б. Сосинскому: «Послезавтра я дежурю на складе, перед уходом шнур подключу, замаскирую и зажгу. Он прогорит сутки, а потом как все пойдет взрываться! А я чистенький, у меня алиби»³⁹. После войны в письме Андрееву жена Серышева вспоминала: «Взрывной материал принес Антоненко на одну из тайных встреч. Остальное все, что требовалось для устройства, Николай сам соорудил. Установлена взрывчатка была у входа, где хранились патроны крупных калибров. Расчет был таким, что прежде всего уйдут рваться патроны, и нельзя будет подойти для ликвидации очага взрыва, а сам взрыв всего содержимого в складе произойдет несколько позднее. Расчет оказался точным: все было приведено в исполнение в строго рассчитанное время»⁴⁰.

В 12 ч 24 ноября сильные взрывы потрясли остров. Был взорван главный военный арсенал гарнизона около деревни Ла-Перрош. Уничтожено 2 млн патронов, 5 тыс. ручных гранат и большое количество снарядов и другого снаряжения⁴¹. Произведенное немцами расследование не обнаружило прямых виновников. Солдаты попали под сильное подозрение, их начали арестовывать и допрашивать в связи с их возможными связями с Соппротивлением. Антоненко и Серышева несколько раз допрашивали, арестовали и посадили в одиночных камерах в тюрьме Шато на 90 дней⁴². После взрыва подпольная деятельность группы Сосинского снизилась. Продолжали контактировать с французскими партизанами и через своего писаря Анатолия Гребенщикова, работающего в штабе немецкого гарнизона, передавали копии карт батарей и огневых точек. А. Гребенщиков был самым ценным кадром группы Сосинского.

Следующая история приведена А. Б. Сосинским со слов своего отца. Упомянутый Гребенщиков свободно владел немецким языком и был аккуратным работником. Будучи мнительным, он боялся, что его разведывательную деятельность раскроют. 14 декабря он понял, что немцы его всерьез подозревают в связи с Соппротивлением, и через несколько дней дезертировал со службы. Напился и пьяным пришел ночью в дом к Сосинским. Он сказал В. Б. Сосинскому, что фельдфебель его подозревает и «если немцы его схватят и будут пытаться, то он скажет все, что знает и не знает». Он просил договориться с рыбаками вывезти его с острова на материк. В. Б. Сосинский успокоил Гребенщикова и отвел на мельницу, предварительно еще больше напоив. Вернувшись домой, он сказал своей жене Ариадне, что если беглеца найдут, то арестуют не только его и семью, но всю группу на острове и что у него не остается другого выбора, как убить солдата. А. Б. Сосинский вспоминает: «Несколько лет спустя мне мама рассказала, что было дальше. Отец вернулся с мельницы довольно скоро с осунувшимся лицом и объяснил, что “не смог”. Он говорил долго и путанно про жалкий вид спящего Гребенщикова, про треснутые очки, лежащие рядом с ним, про топор, что он нес под пальто... [Он] повторял странную фразу: “Если бы не эти очки, я бы справился, выглядел растерянным и безвольным”»⁴³.

На следующий день Сосинский спрятал Гребенщикова в огромной пустой бочке на коньячном заводе. Узнав о пропаже солдата, немцы с 15 по 18 декабря вели обыски по всему острову. Было арестовано 262 человека, часть из которых освободили, а другую — перевели в тюрьму Шато д’Олерон. Ночью 24 декабря Сосинский и Андреев пытались переправить Гребенщикова к рыбакам, чтобы

вывезти его на материк, но это не удалось сделать. Испугавшись на дороге фар немецкого грузовика, он убежал в лес. Но ареста семьи Сосинского и членов его группы так и не происходило. Уже после войны и освобождения острова В. Б. Сосинского допустили к документам немецкого штаба, где он нашел протокол допроса Гребенщикова. По словам А. Б. Сосинского, «протокол состоял только из одних слов: “Мое имя Анатолий Гребенщиков”». А. Гребенщиков умер во время пыток, не сказав ничего кроме своего имени⁴⁴.

11 января 1945 г. немецкое командование на острове объявило о высылке на материк части населения. Причиной тому была нехватка продовольствия на острове и неудачная борьба с местной группой Сопrotивления. Немцы понимали, что на острове существует некий подпольный отряд, но не знали, из кого он состоит. Немцы подозревали, что основу этого Сопrotивления составляют не коренные жители Олерона, а приезжие. Поэтому именно они составили большинство высланных. Среди тех, кто был вывезен с острова, оказался Сосинский вместе со своей семьей. В. Л. Андреева подозревали в связи с Сопrotивлением и арестовали вместе с четырьмястами другими французами. Солдаты — М. Джемалов, Н. Васев, Н. Голованов, М. Сергеев и И. М. Фатюков — были арестованы немцами задолго до высадки союзников и содержались в тюрьме крепости Шато⁴⁵.

По словам самого Андреева, «никто из активных членов подпольного движения не был арестован, и это невольно наводило на размышление — задержали меня случайно»⁴⁶. Арестованных отвезли на соседний меньший по размеру остров Рэ, где находился концентрационный лагерь, наскоро переоборудованный из детской колонии. Предвидя скорое поражение, немцы опасались проявлять жестокость и проводить репрессии. 11 января около 200 человек с острова Рэ переправили в Ла-Рошель. С 14 по 16 января заключенных «детского лагеря», в число которых входил Андреев, обменяли на немецких пленнх, находившихся на материке в руках французского Сопrotивления. Связь солдат и эмигрантов прервалась. Руководителем Сопrotивления на острове стал французский лейтенант Эмиль Шварц.

В середине марта 1945 г. французское командование отдало приказ о подготовке операции по освобождению города Руайан и острова Олерон. К этому времени генерал Шарль де Голль настаивал, чтобы оставшаяся за немцами территория страны для престижа Франции была освобождена своими силами. Для помощи в подготовке операции по освобождению острова капитан Леклерк вызвал Сосинского в штаб. В. Б. Сосинский добился, чтобы при штурме острова бывших советских солдат воспринимали как союзников.

План операции освобождения состоял в создании сильного плацдарма на южном мысе острова, куда предполагалось сделать высадку с помощью амфибий и десантных кораблей. Силы союзных войск по освобождению острова состояли из двух ударных групп: 1-я — 50-й и 2-я — 158-й полки ФФИ. Для подавления огневых позиций к ним была прикреплена артиллерия и крейсер «Дюксен» вместе с сопровождающими его несколькими торпедными катерами. Перед высадкой планировалась бомбардировка немецких позиций силами 42-й эскадрильи бомбардировщиков В-24 ВВС США.

Через Леклерка солдатам была сообщена дата начала операции, чтобы они успели подготовиться к восстанию. Нужно было вывести из строя орудия и пулеметы, дезертировать со своих батарей и присоединиться к французским силам. Солдаты планировали подорвать орудия во время артиллерийских и воздушных бомбардировок острова, когда немецкие солдаты должны были бы находиться в бетонных укрытиях, а снаружи оставались бы только постовые, которых можно было обезвредить.

Первая волна союзных войск численностью в 675 человек высадилась на южном берегу острова на пляже Гацо. Французские силы с минимальными потерями создали плацдарм. Двое солдат, Тихон Шумаков и Константин Пронин, погибли от бомб, пытаясь вырваться со своей батареей после того, как испортили орудия и пулеметы во время бомбардировки. Другой солдат, В. Педенко, незадолго до штурма острова вывел из строя два орудия и освободил из-под ареста Г. Хлопина и А. Сучкова⁴⁷. В ночь с 30 апреля на 1 мая следующий отряд французских сил высадился в деревне Ла Вьелль-Перротин — предместье портового городка Боярдвиль, находящегося на востоке острова. К 14:30 атакующие силы захватили Сен-Пьер и взяли в плен командира гарнизона корвет-капитана Шильца и его штаб. К 18:00 французские войска достигли городка Сен-Жорж. После пленения немецкого штаба французское командование под угрозой бомбардировок позиций авиацией заставило Шильца подписать капитуляцию.

На батарее Маммут, находившейся в южной части острова рядом с коммуной Ла Континьер, подошедшие французские войска были удивлены отсутствием сопротивления со стороны немцев. Все орудия здесь были приведены в негодность, не действовал ни один пулемет. Среди множества раненых и убитых немцев обнаружили тела Антоненко и Красноперова. Оказалось, что русские солдаты пожертвовали собой ради успеха действий французов. В. М. Антоненко и его друг Евгений Красноперов сумели захватить автоматы и гранаты и погибли в бою, расстреляв половину немецкой батареи. «Участник Сопротивления жандарм Ра, вошедший на батарею “Мамут” одним из первых, рассказывал нам, как их всех поразило то обстоятельство, что в разных местах батареи, и особенно у входа в один бункер, лежало слишком много немецких трупов и стонали раненые, в ранении которых, как выразился Ра, не мы, атаковавшие батарею, были повинны», — приводит его слова В. Б. Сосинский⁴⁸.

Батарея солдата В. Н. Орлова, находившаяся на юге острова, была взята одной из первых. Во время воздушной тревоги ему удалось взорвать три орудия и скрыться. Он присоединился к французам и продвинулся к батарее, где находились Антоненко и Красноперов. По дороге он встретил бежавших немцев, пытавшихся скрыться в дюнах. Выстрелом ему удалось убить начальника этой батареи. «...Мне во время очередной бомбежки пришлось выполнять обещание, данное Андрееву и Леклерку, и бежать не на юг, а на север Зеленого леса. Я выскочил, оглушенный, грязный, ободранный, с осколком немного ниже виска, и вот тогда я и убил лейтенанта и унтера», — вспоминал Владимир Орлов в письме от 24 марта 1964 г.⁴⁹

После освобождения острова Антоненко и Красноперов были похоронены с воинскими почестями на кладбище в Сен-Пьер. В июле 1945 г. на церемонии

установления мемориальных плит на Олероне присутствовали представители английской и американской армий; Советский Союз представлял капитан Леликов. Тела Т. Шумакова и К. Пронина были сильно изувечены. Их похоронили в братской могиле в Сен-Пьер вместе с ранее погибшими солдатами М. Ершовым и А. Ковалевым. Тело А. Гребенщикова, погибшего под пытками ориентировочно в начале 1945 г., так и не нашли.

После освобождения острова только 14 бывших советских солдат решили вернуться на родину. Другая часть отказалась от репатриации. Предположительно, они записались добровольцами на службу во французский Иностранский легион. Отправившиеся в пересылочный лагерь в Ангулем В. Н. Орлов и И. М. Фатюков написали прощальное письмо Андрееву: «Бумажечку, которую вы держите сейчас перед глазами, я пишу в условиях полных счастья и радости, веселья и свободы. Куда не повернусь, куда не оглянусь, повсюду встречаю своих: отцов и матерей, братьев, сестер и детей с нашей родной земли и в недалеком будущем должны увидится с Родиной, что я считаю высшим даром в жизни!»⁵⁰ После этого письма эмигранты потеряли связь с солдатами.

Около года солдаты находились в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД. Известно, что Орлова, Серышева и Фатюкова после проверки отпустили домой. Н. Серышев вернулся в Ленинград, где ранее учился, а Фатюков перед возвращением в Саратовскую область успел побывать в Москве, где встретил родного брата В. Л. Андреева, Даниила, которому передал письмо от его брата из Франции. Вероятно, эта встреча стала одной из причин ареста в апреле 1947 г. Д. Л. Андреева и его последующего 25-летнего тюремного заключения. Сам Фатюков был арестован в июне 1948 г. В этом же году арестовали и других олеронских солдат. В большинстве своем они были осуждены по двум пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР: 1б — «измена со стороны военного персонала» и пункт 10 — «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти», получив в общей сложности до 25 лет заключения. Но после смерти И. В. Сталина и последовавшей амнистии в 1958 г. известные нам выжившие участники событий на Олероне были освобождены. В заключении они успели отбыть 7–8 лет.

В мае 1960 г. В. Б. Сосинский вместе со своей женой Ариадной приехал в СССР. Он решил начать поиск выживших солдат. Как было сказано в начале статьи, после ряда публикаций на связь с эмигрантами через редакции газет вышло пять солдат: И. М. Фатюков, Н. А. Серышев, В. Н. Орлов, В. Педенко, И. Тимохин. Стараниями Сосинского и благодаря его публикациям Орлов, Фатюков и Серышев были реабилитированы советской прокуратурой в 1960-е гг. Тогда же, с подачи Л. Я. Прокши, В. М. Антоненко был посмертно награжден медалью «За отвагу». Сам В. Б. Сосинский указом Президиума Верховного Совета СССР 7 мая 1985 г. «О награждении орденами и медалями СССР соотечественников, участвовавших в антифашистской борьбе во Франции в годы Второй мировой войны» был награжден медалью «За боевые заслуги»⁵¹.

Действия группы Сосинского на острове Олерон в годы Второй мировой войны представляют собой один из наиболее ярких примеров совместной антифашистской борьбы русских эмигрантов и советских граждан в составе

Владимир Орлов, Николай Серышев и Иван Фатюков во время войны (верхний ряд) и в начале 1960-х гг. после выхода на связь с эмигрантами (нижний ряд).

Источник: архив автора

Владимир Орлов, Иван Тимохин, Владимир Сосинский и Ариадна Сосинская. Фотография. Москва, 7 июня 1964 г.

Источник: Архив В. Л. Андреева. MS 1350/753

французского движения Сопротивления. Они имеют не только важное символическое значение, они сыграли значимую роль в приближении военной победы союзных сил во Франции. Эмигрант Сосинский, рискуя своей жизнью, связывался с советскими гражданами из состава Восточных войск вермахта и сформировал из них активную партизанскую группу в составе французских сил ФФИ. Эта группа, находящаяся на стратегически важной территории в 1944–1945 гг., занималась сбором разведданных и осуществила диверсии, серьезно понизившие боеспособность местного гарнизона. Все это привело к быстрой капитуляции германского гарнизона острова Олерон при его освобождении союзными войсками. Нахождение бывших советских солдат в нацистском плену тяжело сказалось на их дальнейшей судьбе по возвращении в СССР. Реабилитация участников событий на Олероне произошла лишь благодаря активной деятельности Сосинского и поддержавших его писателей и журналистов в Советском Союзе.

* Автор благодарит за помощь в подготовке статьи Н. И. Кривошеина и Г. Г. Суперфина за помощь в поиске архива В. Л. Андреева; куратора Русского архива Университета г. Лидс Р. Дэвиса за предоставление архивных материалов и О. В. Андрееву-Карлайл за возможность использовать и публиковать эти документы. Также автор выражает благодарность А. Б. Сосинскому за предоставленную возможность работать и использовать архив В. Б. Сосинского.

¹ *Кривошеин И. А.* Русские участники Сопротивления во Франции // *Новоселье*. Нью-Йорк. 1947. № 35–36. С. 96.

² *Сосинский В. Б.* Буду помнить всегда // *Голос Родины*. 1968. № 61. С. 5.

³ *Малюченко Г.* Макизар с острова Олерон // *Орловская правда*. 1976. 3 июля.

⁴ *Netchaiev G. A.* Opération Jupiter // *Études soviétiques*. 1965. № 211. P. 82–83.

⁵ *Ibid.* 1985. 9 mai.

⁶ *Андреев В. Л., Сосинский В. Б., Прокша Л. Я.* Герои Олерона. Минск, 1965.

⁷ *Лукашин В. И.* Против общего врага. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.

⁸ Интервью А. Б. Сосинского автору от 26.04.2019.

⁹ *Андреев В. Л.* Дикое поле. М., 1967.

¹⁰ *Carlisle O.* Island in Time: A Memoir of Childhood, Daily Life During the Nazi Occupation. NY: Henry Holt & Co, 1980.

¹¹ Интервью Е. Д. Резникова автору от 16.04.2019.

¹² Немецкие названия батарей.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 16. Л. 68.

¹⁴ Создана в мае 1943 г. из разрозненных антифашистских групп. В этом же году был создан Национальный совет Сопротивления, в который вошли почти все патриотические силы Франции с принятым названием «Французские внутренние силы» (*Forces Françaises de l'Intérieur*).

¹⁵ *Laroche G.* On les nommait des étrangers. Paris: Les editeurs français reunis, 1965. P. 238.

¹⁶ Речь идет об В. П. Артемьеве, который доказывал это в воспоминаниях. См.: Первая дивизия РОА. СБОНР. Канада, 1974. С. 21–22.

¹⁷ Интервью А. Б. Сосинского автору от 27.01.2019.

¹⁸ Русский архив Университета г. Лидс (далее — РАЛ). MS 1350/736.

¹⁹ Там же.

²⁰ Интервью А. Б. Сосинского автору от 27.01.2019.

²¹ РАЛ. MS 1350/736.

²² Воспоминания И. М. Фатюкова об участии в ВОВ и Сопротивлении на острове Олерон. Архив А. Б. Сосинского. Ф. 1. Д. 108. Л. 2. См. подробнее: *Решетников С. В.* Из Восточных

войск вермахта в движение Сопротивления: воспоминания бывшего советского военнопленного И. М. Фатюкова о событиях на острове Олерон // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2. С. 206–222.

²³ РАЛ. MS 1350/736.

²⁴ Возможно: Алексей.

²⁵ Возможно: Джамалов.

²⁶ Возможно: Курапов Николай.

²⁷ Возможно: Ориченко.

²⁸ Возможно: Люшаков.

²⁹ РАЛ. MS 1350/7649.

³⁰ Речь идет о батарее Mammüt.

³¹ *Netchaiev G. A. Opération Jupiter*. P. 83.

³² РАЛ. MS 1350/724.

³³ Там же. MS 1350/7649.

³⁴ L'Opération «Jupiter» — île d'Oléron — 30 avril au 1er mai 1945. URL: https://www.le-petit-train.com/gatseau_plage.htm (дата обращения: 29.03.2023).

³⁵ РАЛ. MS 1350/736.

³⁶ Там же. MS 1350/7649.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. MS 1350/736.

³⁹ Интервью А. Б. Сосинского автору от 26.04.2019.

⁴⁰ РАЛ. MS 1350/750.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. MS 1350/724.

⁴³ Интервью А. Б. Сосинского автору от 26.04.2019.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ РАЛ. MS 1350/736.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Сосинский В. Б. Герой Олерона // Советская Белоруссия*. 1964. 5 марта.

⁴⁹ РАЛ. MS 1350/742.

⁵⁰ РАЛ. MS 1350/736.

⁵¹ Имя В. Б. Сосинского стояло в числе таких известных сопротивленцев, как Б. В. Вильде, А. С. Левицкий, Т. А. Волконская, Е. Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария).

Статья поступила в редакцию 26 апреля 2021 г.

Рекомендована к печати 20 ноября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Решетников С. В. Участие русских эмигрантов и советских военнопленных в движении Сопротивления на острове Олерон в 1944–1945 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 58–74. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.103>

Аннотация: Статья посвящена малоизвестному эпизоду совместной антифашистской борьбы русских эмигрантов и советских граждан на французском острове Олерон в годы Второй мировой войны. Осенью 1943 г. во Францию начали пребывать Восточные войска вермахта, сформированные из советских граждан. Весной 1944 г. одна из рот Восточных войск прибыла на остров Олерон для охраны Атлантического побережья. Русские эмигранты, проживавшие на острове, в частности В. Б. Сосинский и В. Л. Андреев, решили познакомиться с прибывшими туда советскими солдатами и сформировать из них партизанскую группу, которая после первой диверсионной операции официально вошла в состав французского Сопротивления. Группа Сосинского, первоначально собиравшая только разведывательные данные, вскоре приступила к активным диверсионным действиям. Советские солдаты во

главе с эмигрантом смогли выкрасть для французского Сопротивления план немецких батарей на острове и взорвать главный склад боеприпасов. В момент высадки союзников на остров солдаты подняли восстание, испортили орудия на нескольких батареях, выведя из строя часть немецкого военного персонала. Эти действия серьезно понизили боеспособность немецкого гарнизона, позволив тем самым союзникам быстро освободить Олерон при его штурме. Вернувшиеся на родину солдаты были осуждены, но в 1960-е гг. с помощью эмигрантов были реабилитированы и признаны, как участники французского Сопротивления.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советские военнопленные, русская эмиграция, коллаборационизм, движение Сопротивления, Франция, остров Олерон, Восточные войска вермахта.

Сведения об авторе: Решетников С. В. — аспирант, Институт российской истории РАН (Москва, Россия); reshehistorien@gmail.com

Институт Российской истории РАН, Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

FOR CITATION

Reshetnikov S. V. 'Participation of Russian Emigrants and Soviet POWs in the Resistance Movement on the Island of Oléron in 1944–1945', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 1, 2022, pp. 58–74. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.103> (In Russian)

Abstract: The article explores a little-known episode of the joint anti-fascist struggle of Russian emigrants and Soviet citizens on the French Island of Oléron during the Second World War. In the fall of 1943, the Germans began to transfer Eastern Wehrmacht troops, formed from Soviet citizens, to France. In the spring of 1944, one of the companies of these Eastern Wehrmacht troops arrived on the island of Oléron to guard the Atlantic coast. At that time, a group of Russian emigrants headed by V. B. Sosinskiy and V. L. Andreev lived on the island, and they decided to get to know the Soviet soldiers who had arrived there. Freed from German captivity, Sosinskiy decided to form a partisan group from these soldiers, which, after the first sabotage operation, officially became part of the French Resistance. Sosinskiy's group, initially collecting only intelligence data, soon began active sabotage actions, which seriously reduced the combat capability of the local German garrison and allowed the Allies to quickly liberate the island during its assault at the end of the war. The soldiers were convicted after they returned home, but after returning to civilian life, they were rehabilitated with the help of immigrants.

Keywords: World War II, Soviet POWs, Russian emigration, collaboration, resistance movement, France, Oléron Island, Eastern Wehrmacht troops.

Author: Reshetnikov S. V. — Postgraduate Student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); reshehistorien@gmail.com

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russia

References:

Andreev V. L., Sosinskiy V. B., Proksha L. Ya. *Heroes of Oleron* (Minsk, 1965). (In Russian)

Andreev V. L. *Wild Field* (Moscow, 1967). (In Russian)

Bulatova E. F. 'Hero of the French Resistance from Yorgi', *Sel'skaia nov'*, no. 31, 2019. (In Russian)

Carlisle O. *Island in Time: A Memoir of Childhood, Daily Life During the Nazi Occupation*. (New York, 1980).

Krivoshein I. A. 'Russian participants of the Resistance in France', *Novosel'e*, no. 35–36, 1947. (In Russian)

Laroche G. *On les nommait des étrangers* (Paris, 1965).

Lukashin V. I. *Against a common enemy* (Moscow, 1976). (In Russian)

Malyuchenko G. 'Makizar from Oleron Island', *Orlovskaya Pravda*, 3 July 1976. (In Russian)

Netchaiev G. A. 'Opération Jupiter', *Études soviétiques*, no. 211, 1965.

Reshetnikov S. V. 'From the eastern troops of the Wehrmacht to the Resistance movement: memoirs of the former Soviet prisoner of war Ivan Fatyukov about the events on the island of Oleron', *Zhurnal Rossiiskih i*

vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniï, no. 2, 2020. <https://doi.org/10.24411/2409-1413-2020-10075> (In Russian)

Sosinskiy V. B. 'I will remember', *Golos Rodiny*, no. 61, 1968. (In Russian)

Sosinskiy V. B. 'Hero of Oléron', *Sovetskaïa Belorussia*, 5 March 1964. (In Russian)

Received: April 26, 2021

Accepted: November 20, 2021